

Ассам издавна славится своими танцами и песнями. «Страной танца и музыки» — можно назвать Манипур, бывшее княжество, с которым связан один из четырех стилей классического танца Индии. В описании Баруа особенно интересны народные поэтические танцы-песни биху, связанные с сельскохозяйственным циклом; эти же танцы можно встретить в Бирме и на Никобарских островах. Влияние Бирмы сказывается даже в традиционном вишнуитском театре Ассама (крашенные маски, своеобразные танцевальные движения).

В заключение своего обзора Баруа обращается к наиболее насущным экономическим и политическим проблемам современного Ассама. Однако, ставя общую проблему, он сосредоточивает все внимание на каком-нибудь ее частном вопросе. Так, говоря о важнейших задачах по земельному переустройству и ликвидации крестьянского безземелья, автор останавливается только на вопросе о беженцах; в проблеме племен так называемых «исключенных округов» его больше всего интересует вопрос о «Нагалэнде» — независимом государстве нага (Баруа расценивает требование нага о создании такого государства как сепаратистское, неизбежно ведущее к раздроблению Индии и к ослаблению ее границ). Отдельно рассматривается проблема народного образования и культурного развития Ассама.

При всей неполноте и отдельных недочетах рецензируемой работы автору ее удалось нарисовать в целом верную и яркую картину жизни народов Ассама.

С. Болдырева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Friedrich Katz. *Die sozialökonomische Verhältnisse bei den Azteken im 15. und 16. Jahrhundert*. «Ethnographisch-archäologische Forschungen», hrsg. von H. Kothé und K.-H. Otto, Bd. 3, Tl. 2, Berlin, 1956, 166 стр.

Первыми исследованиями, посвященными вопросам социально-экономических отношений в астекском обществе, были три работы А. Банделье, опубликованные в «Отчетах музея Пибоди» в 1877—1880 гг.¹ В них, как известно, Банделье отрицал существование у астеков частной собственности на землю и наличие классовых отношений в астекском обществе. Появившиеся позднее работы М. Морено, К. Бош Гарсиа, М. Акоста Саигнеса, Г. Фрейнда и А. Монсона² в основных выводах расходились с точкой зрения, высказанной Банделье. К отрицанию тезисов последнего склонялся и П. Армильяс, посвятивший несколько своих работ древнемексиканскому земледелию и его социальной роли в астекском обществе³. Однако крупного исследования, обобщающего поднятые вопросы, ни одним из указанных авторов создано не было. Между тем все увеличивавшаяся масса новых, как письменных, так и археологических материалов требовала критической обработки и обобщения. Попыткой создать такое обобщающее исследование и является книга венского ученого Ф. Каца «Социально-экономические отношения у астеков в XV и XVI столетиях».

Первая глава книги посвящена характеристике источников.

Ф. Кац делит их на пять групп: а) индейские иероглифические рукописи; б) сообщения испанских завоевателей; в) испанские хроники; г) произведения индейских историков, писавших после завоевания, и д) официальные письма и документы. В конце этой главы исследователь формулирует поставленные перед собой задачи: изучить вопросы собственности на землю, права властителя, формирование знати в астекском обществе, законодательство у древних мексиканцев, вопросы семьи в древней Мексике и, наконец, военную тактику астеков. Автор считает, что в предыдущих исследованиях все эти проблемы рассматривались без учета наиболее необходимого условия: принципа исторического развития. Основная ошибка Банделье и состояла в том, что он рассматривал астекское общество как нечто статичное и неподвижное.

¹ A. F. Bandelier, On the Art of War and Mode of Warfare of the Ancient Mexicans, «Tenth Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», Cambridge, Mass., 1877; его же, On the Distribution and Tenure of Lands and the Customs with Respect to Inheritance among the Ancient Mexicans, «Eleventh Annual Report...», Cambridge, Mass., 1878; его же, On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans, «Twelfth Annual Report...», Cambridge, Mass., 1880.

² M. Moreno, La Organización Política y Social de los Aztecas, Mexico, 1931; C. Bosch García, La Esclavitud prehispánica entre los Aztecas, Mexico, 1945; G. Freund, Agrarrecht und Katasterwesen im Alt-Mexico, «Ethnos», Stockholm, 1946; A. Monzón, El Calpulli en la Organización Social de los Tenochca, Mexico, 1949.

³ P. Armillas, A sequence of cultural development in Meso-America, «Memoirs of the Society for American Archaeology», № 4, Menasha, 1948; его же, Las chinampas de Mexico, «Cuadernos Americanos», 1950, № 2; его же, Tecnología, Formaciones socio-económicas y religión en Meso-America, «The Civilizations of Ancient America. Selected Papers of the XXIXth International Congress of Americanists», ed. by Sol Tax, Chicago, 1951.

Во второй главе, также носящей вводный характер, дан краткий очерк истории Мексиканского нагорья. Автор справедливо указывает, что для того, чтобы правильно понять астекское общество, надо знать предшествующую историю долины Мехико, так как астеки многое позаимствовали у своих предшественников. Ф. Кац умело интерпретирует археологический материал, комбинируя его там, где возможно, с данными письменных источников. Вызывает недоумение лишь одно положение автора: он считает, что преемник Теноч Акамапичтли был выбран уже не как верховный жрец, а как военный предводитель (стр. 23). Но Теноч считается верховным жрецом лишь по традиции; в действительности он, вероятно, так же как и Акамапичтли, совмещал функции жреца и военачальника. Видеть в избрании Акамапичтли какую-то веку, знаменующую собой переход от теократического правления к военному, как это делает Ф. Кац, на наш взгляд, неправильно. Действительный перелом в астекском обществе, а следовательно и в системе его управления, наступил несколько позже, после разгрома тепанеков и захвата Аскапоцалько (что ниже отмечает сам автор).

Третья глава посвящена хозяйству. В ней последовательно рассматриваются земледелие (раздел распадается на две части: культурные растения и способы обработки почвы), домашние животные, утварь, металлургия, транспортные средства, жилища и, наконец, численность населения. По объему эта глава очень невелика (5 стр.), и автор использовал далеко не все доступные ему данные. Это в значительной степени снижает познавательную ценность главы.

С главы четвертой «Земельные отношения у астеков» начинается основная часть исследования.

Трудный и спорный вопрос о частном владении землей освещен автором с исчерпывающей полнотой и ясностью. Он различает земли властителя и земли, принадлежащие властителю, но урожай с которых шел в пользу того или иного знатного лица. Вторая категория земель не переходила по наследству; временное владение ими (т. е. право на урожай) было связано с определенными почетными званиями в астекском обществе. Получавший это звание получал в пожизненное пользование и землю. Еще один вид частного землевладения составляли земли древнейшей знати (Uradel); они передавались по наследству. Наконец, имелась арендная земля, но о ней мы почти ничего не знаем. Автор подробно разбирает вопрос о возникновении различных форм земельной собственности, справедливо увязывая их с изменениями в социальном составе астекского общества.

В следующем разделе («Общественные земли») рассматриваются так называемые земли властителя, урожай с которых шел на общественные нужды, храмовые земли, «текпанталли», или дворцовые земли (доход с которых шел на содержание дворца правителя), земли судей и, наконец, «мильчимилли» — земли, урожай с которых использовался на военные нужды. Слабее освещен интересный и важный вопрос о землях завоеванных астеками народов. Хотелось бы видеть здесь характеристику атекских поселений в завоеванных областях и сравнение правового положения таких поселенцев с положением покоренного населения.

Заканчивается глава разделом о так называемом переизбытке населения и земельном голоде. Автор приходит к выводу, что земельного голода в древней Мексике не было, так как количество земли, благодаря чинампам (огороды на плотках) увеличивалось. Вместе с тем постоянные войны и человеческие жертвоприношения препятствовали значительному приросту населения (стр. 47).

В пятой главе рассматривается ремесло. Автор указывает на отделение ремесла от земледелия, на существование ремесленников — ювелиров, резчиков по камню, живописцев, портных, гончаров, оружейников и др., изготовлявших изделия для рынка. Основными их изделиями были, по мнению Ф. Каца, предметы роскоши (Luxushandwerk) для господствующей верхушки Теночтитлана. Последнее положение, однако, спорно. Несомненно, часть продукции ремесленников шла и в другие слои астекского общества. Приписывать постройку храмов и дворцов только ремесленникам, как это делает Кац (стр. 55), вряд ли возможно. Думается, что они лишь отделявали и украшали их, а основная тяжесть строительства лежала на плечах общинников, населения завоеванных областей и рабов.

Шестая глава представляет собой обширную сводку сведений о торговле в древней Мексике. Разбираются вопросы о внутренней и внешней торговле Теночтитлана, о торговцах и их социальном положении в астекском обществе, о политической роли торговли, о кредите и долгах, о денежных единицах. Материалы письменных источников использованы с исчерпывающей полнотой; к сожалению, нельзя сказать того же о материалах археологических. Не использована автором и возможность привлечения сравнительных данных (например, по вопросу о денежных единицах) других народов древней Мексике, где, например, в зернах какао исчислялась цена раба, кролика и т. д.⁴

Седьмая глава, посвященная вопросу о дани, принадлежит к числу наиболее удачных разделов исследования Ф. Каца. Тщательный анализ показаний источников позволил автору выявить роль дани в процессе расслоения астекского общества. Подробно рассматриваются различные виды дани: трудовая повинность покоренного населения,

⁴ Диего де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, Изд. АН СССР, М.—Л. 1955, стр. 47.

даны рабами, подати, которые платило население Теночтитлана, и т. д. Основная масса дани шла на военные цели (одежда и вооружение воинов, подарки им), на содержание правителя и его приближенных, на устройство праздников и на подарки послам и гостям. Определенная часть выделялась на поддержание стариков, вдов, сирот, людей, искалеченных на войне, и т. д.

Известно, что Банделье считал Теночтитлан простым союзом нескольких родов; дань, по его мнению, распределялась поровну между всеми кальпулли (по определению Банделье — патрилокальные роды), а в них — между их членами. Исследование Каца показывает ошибочность такого представления; кальпулли не принимали никакого участия в распределении дани. Этот процесс был строго централизован, и большая часть дани доставалась знати. Следовательно, и в данном случае утверждение о социальном равенстве членов атекского общества неправильно.

Небольшая восьмая глава посвящена вопросу о союзе трех городов: Теночтитлана, Тешкоко и Тлакопана. К сожалению, автор останавливается лишь на различных группах населения этих городов и совершенно не затрагивает наиболее важного вопроса — о взаимоотношениях данных городов между собой.

В девятой главе разбирается вопрос о сущности кальпулли. Ф. Кац опровергает мнение Банделье о том, что кальпулли были патрилинейными экзогамными родами. Он считает кальпулли группой людей (в большинстве случаев связанных родственными узами), имеющей в совместном владении определенный участок⁵. К другим отличительным признакам кальпулли автор относит общее для всех членов кальпулли божество, совместные религиозные обряды, экономическое и административное единство. Во время войны все воины кальпулли группировались в особую военную единицу со своим знаменем и под руководством своего вождя. Все же четкого определения кальпулли в книге нет. Характеристика, данная Кацем, может относиться и к роду; следовало бы прежде всего выяснить: жили ли на территории кальпулли люди, происходившие из разных родов.

Десятая глава носит название «Классы общества». Автор справедливо отмечает, что вряд ли какой-либо другой вопрос в исследуемой области может сравниться по неясности и запутанности с вопросом о знати в атекском обществе. До работы Банделье, еще со времен испанских хронистов, древнемексиканское общество обычно изображалось как феодальное. Банделье оспаривал эти традиционные представления и считал, что в атекском обществе не было знати⁶. Как же подходит к этому вопросу автор рассматриваемого нами исследования?

Ф. Кац считает перечисляемые им в начале главы группы знати (тлатоани, тектекухин, кальпуллек, тлакопильцин, пипильцин) различными классами. Однако дальше автор приходит к выводу, что это — лишь группы внутри одного сравнительно немногочисленного господствующего класса атекского общества, противостоявшего основной массе трудящегося населения, составлявшей второй класс этого общества. Ф. Кац убедительно показывает сложный процесс социального расслоения, прослеживая этап за этапом превращение первоначально выборной племенной верхушки в наследственную знать, накапливающую награбленные богатства. Основные причины этих изменений лежат, по мнению Ф. Каца, в развитии частной собственности на землю и в завоевательной политике астеков. Переломным моментом, с которого собственно начинается этот процесс, автор считает завоевание Аскапоцалько. Однако более определенного ответа на вопрос о классовом характере древнего атекского общества автор не дает.

Особое внимание читателя привлекает глубокий анализ всех данных о «сихуакотле» (одной из загадочных фигур административного аппарата астеков), о постепенном падении роли «тлатокана» — высшего совета при правителе Теночтитлана, о формах рабства у астеков, о роли рабов в хозяйстве и др.

Последняя, одиннадцатая глава посвящена военной организации астеков. Она распадается на несколько разделов. В первом из них — «Причины войн» — автор пишет, что до завоевания Аскапоцалько астеки боролись лишь за свое существование в долине Мехико. После падения гегемонии тепанеков причиной проводившихся астеками войн было уже стремление к получению дани и захвату пленных. В дальнейших разделах главы описываются оружие астеков, военное воспитание юношества, методы ведения войны и т. д.

В кратком заключении подводятся итоги исследования. Астеки, указывает автор, проделали в течение двух веков путь общественного развития, занявший у других народов многие столетия. Можно наметить три основных этапа развития атекского общества: 1) родовой строй, 2) военная демократия, 3) переход к государству.

Рассматривая характерные черты государства, определенные Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Ф. Кац приходит к заключению, что в атекском обществе все эти черты в той или иной форме уже суще-

⁵ К сожалению, ни здесь, ни в других частях своего исследования Ф. Кац не уделяет должного внимания важному вопросу, как производились переделы земли между членами кальпулли.

⁶ Как известно, освещение общественного строя астеков, данное Л. Банделье, воспринял и отстаивал Морган (см. Л.-Г. Морган, *Дома и домашняя жизнь американских туземцев*, Л., 1934, стр. 55—67).

ствовали. Следовательно, заключает он, мы можем определять Теночтитлан с непосредственно окружающими его областями как складывающееся государство. Другие народы, хотя и были подчинены астекам и платили им дань, не входили в это государство, сохраняя самоуправление. Они не мирились с гнетом астеков. Испанцам удалось так быстро завоевать страну, потому что на их стороне против астеков выступили угнетенные последними племена и народности Мексики.

Каково же общее впечатление, возникающее у читателя после ознакомления с исследованием Ф. Каца? Эта серьезная, основанная на глубоком и тщательном изучении источников работа значительно расширяет и углубляет наше представление об астекском обществе в XV—XVI вв. Она интересна и как опыт рассмотрения на конкретном историческом материале процесса становления государства. Знакомство с книгой Ф. Каца, несомненно, принесет пользу не только американистам, но и специалистам в других областях исторической науки.

Р. Кинжалов

Alejandro Lipschutz. *La comunidad indigena en América y en Chile. Su pasado histórico y sus perspectivas*. Santiago de Chile, 1956, 205 стр.

Проф. Александр Липшутц — один из наиболее прогрессивных ученых Чили — широко известен американистам своими работами, посвященными различным сторонам индейского вопроса. Рассматриваемая работа «Туземная община в Америке и в Чили» выросла из доклада, подготовленного автором по предложению организаций по делам индейцев.

В южной части центрального Чили, в провинциях Консепсьон, Био-Био, Каутин и Вальдивия, живет основная масса индейского населения республики — арауканы (около 300 тыс. чел.). Значительная часть их поселена в редукциях (*reducciones*), сходных с резервациями США. Более трехсот лет арауканы оказывали мужественное и упорное сопротивление европейцам, вторгшимся в их страну еще в середине XVI в. «Фронтера» — граница, отделявшая земли Араукании от остальной части страны, была сломлена лишь после окончания Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. Район стал заселяться колонистами, главным образом немцами, сгонявшими коренное население с его земель.

Таким образом, в Чили, как и во многих других странах Латинской Америки, индейский вопрос является прежде всего земельным вопросом. На эту сторону дела и обращает внимание проф. Липшутц в своей работе.

В первых главах автор кратко характеризует индейскую земельную общину и земельные отношения в Латинской Америке и прослеживает изменения, происшедшие после испанского завоевания — в колониальный период (до начала XIX в.) и после установления независимости. Под «туземной общиной» автор понимает коллектив (*colectividad*), в той или иной форме сообща владевший землей, которая не может быть отчуждена отдельными обрабатывающими ее лицами.

Испанские завоеватели отторгли у коренного населения огромные земельные владения и перенесли в Америку порядки европейского феодализма, характеризующиеся разнообразными формами феодальной зависимости. На основании работ испанских хронистов автор рисует процесс обезземеливания индейцев и вместе с тем отмечает необычайную устойчивость, живучесть общины.

В Чили, в средней части страны, являвшейся центром формирования современного населения, в период колонизации индейская общинная жизнь была полностью разрушена. Индейцы в значительной мере смешивались с испанцами, их потомки-метисы стали пеонами и инкилино, из которых состоит современное крестьянское население Чили. Южнее, в Араукании, где индейцы оказывали стойкое сопротивление завоевателям первых десятилетий и колонистам последующего времени, индейская община сохранялась в своей, как выражается автор, «классической форме» до середины XIX в.

После установления независимости процесс экспроприации индейских земель в странах Латинской Америки не прекращался. Напротив, признание правового «равенства» индейцев с остальным населением облегчило и ускорило распад общин и обезземеливание индейцев. А. Липшутц приводит слова мексиканского историка Агирре-Бельтрана о том, что за сто лет, прошедших от начала независимости до диктатуры Порфирио Диаса, было разрушено большее число общин, чем за три столетия периода завоевания и колонизации.

Наиболее подробно рассматривается в книге история обезземеливания арауканов. «Без преувеличения можно сказать, — пишет А. Липшутц, — что все законодательство по индейским делам в Чили, начиная с 1813 г., сводилось к тому, чтобы наиболее приемлемым образом узаконить раздробление индейской общины с неотчуждаемой земельной собственностью, с явной целью добиться ее превращения в частную собственность, при которой возможно отчуждение» (стр. 144). Чилийское законодательство в этом отношении не отличалось от законодательства других республик Латинской Америки. Индейцы как бы приравнивались к остальному населению, но в результате по-